

*Катись, клубок, веди, клубок,
Сквозь стужу, дождь и зной.
Ты мчись, клубок, по той тропе,
Что приведёт домой.*

1

ПОКА СМЕРТЬ НЕ РАЗЛУЧИТ НАС

Кирши узнал Василису ещё до того, как она вошла в комнату. Сначала он услышал её шаги, лёгкие и быстрые, их звук разносился по коридору корпуса и становился всё громче и громче, пока не стих у его двери.

Кирши замер, боясь спугнуть невидимую тень, но сердце его радостно забилось, не веря, что ещё мгновение — и он снова увидит её.

Она не стучала — ворвалась в комнату, ослепительно красивая, румяная и запыхавшаяся от бега, в расстёгнутом кафтане и с распущенной косой. Кирши не мог поверить своим глазам, боялся пошевелиться, боялся приблизиться и прикоснуться — тогда она точно исчезнет, растворится, словно зыбкий утренний туман.

— Чего смотришь, будто мертвеца увидел? — Губы Василисы изогнулись в самодовольной улыбке.

Кирши вздрогнул. Это всё же была она! В один стремительный шаг он пересёк комнату и прижал Василису к себе. Тёплая! Живая и тёплая. Он собирал тонкий аромат с кожи, что пахла так же в тот день. Можжевельником и лавандой.

— Я так хотела тебя увидеть, — прошептала она, глядя его по спине.

Кирши закрыл глаза, стараясь запечатлеть этот момент в памяти. Её глаза, её руки, её тяжёлое дыхание.

— Извини, — прошептал он в ответ, — что не спас тебя.

Василиса вздрогнула и отстранилась. В глазах застыло удивление, губы раскрылись. По подбородку сбежала тонкая струйка крови.

— В следующий раз... — Кирши аккуратно вытер кровь и провернул нож, что вошёл Василисе в спину точно между рёбрами, — лучше принимай форму ко-го-то живого.

Василиса зашипела, словно кошка, оттолкнула Кирши и отскочила. Черты лица её изменились, заострились и вытянулись. Комната покачнулась, зарыбила и превратилась в заброшенную избу, засыпанную снегом. В дыру, оставшуюся от крыши, заглядывала подёрнутая дымкой облаков луна.

8

Василиса шипела и дёргалась, тщетно пытаясь дотянуться до ножа в спине. Нет, это уже была не Василиса. Длинные чёрные пальцы, словно лапки паука, царапали воздух в пяди от рукояти кинжала, лицо посерело, глаза смотрели на Кирши двумя красными угольками, нижняя челюсть отпала, вывалив на грудь длинный сизый язык. Такие же сизые волосы спутанными нитями волочились по полу.

Ночницы — то ещё мерзкое зрелище. Правда, большинству их жертв — слава богам — не приходилось видеть этих злобных тварей в истинной форме. Чтобы подобраться к добыче, ночницы насылали морок, принимая облики красавиц, любовников или близких — кого успевали ухватить из обрывков последних воспоминаний.

Кирши наклонил ножны, и катана выскользнула из них с тонким поющим звуком — клинок жаждал напитаться кровью.

Ночница вскинулась, оставила попытки достать нож и бросилась на Кирши. Когти полоснули воздух у самого лица, и Кирши одним движением отсёк ей пальцы.

Ночница завопила, и крик тут же оборвался — катана вонзилась в тело, разрубив его наискось, от бедра к плечу. Завершающим ударом Кирши снёс ночнице голову. Та, неуклюже шлёпая языком, полетела в снег. Но не успела голова достигнуть земли, как рассыпалась прахом, а за ней исчезло и всё тело. Нож, что прежде торчал из спины твари, глухо ударился о землю.

Кирши стряхнул с меча чёрную кровь, вытер лезвие и загнал обратно в ножны. Катана потяжелела, довольная сегодняшней добычей.

9

Подобрав нож и вернув его в ножны на поясе, Кирши вышел из избы, взял оставленный на плетне меховой плащ и набросил поверх кафтана. Заброшенная деревня тонула в снегу и темноте.

Воздух задрожал, и на плетне появился чёрный упитанный кот.

— Ать, как ты её! — востропнулся Тирг. — Уродина какая — жуть! Язык, язык видал? Болтается, как жирный червяк!

— Мог бы и предупредить, что она поблизости, — проворчал Кирши.

— Да ты меня разве слушаешь? — Тирг почесал рваное ухо. — Я тебя с волколаком предупреждал? Предупреждал. А с упырём тем? Тебе лишь бы железкой своей помахать, да чем опаснее, тем лучше. И вообще, я домовый, а не сторожевой. Тебе надо, ты и глазей по сторонам.

Кирши не ответил. Он уже давно понял, что лучший способ заткнуть Тирга — перестать обращать на него внимание. А уж если начнёшь спорить — пиши пропало, домовой будет трещать, пока язык не отвалится.

— А в кого она для тебя обратилась? — спросил Тирг. — Ты её так обнимал, страхолюдину, что я думал, меня стошнит от этой вони.

— Да ни в кого, — пожал плечами Кирши. — Я ей подыграл, чтобы подобраться поближе.

— А-а, молодец. Это ты хитро придумал.

Ноги проваливались в снег, холодный ветер забирался под плащ и кусал лицо. Тирг прыгал по следам Кирши и брезгливо потряхивал лапами.

Большинство изб в Горлицах — так называлась деревня — выглядели прилично. Люди покинули дома совсем недавно, до смерти напуганные ночницами, которые принялись душить во сне и жрать местных мужиков. Ночницы обыкновенно встречались редко и поодиночке, но в Горлицах Кирши убил троих. Вряд ли в этой деревне разом любовники убили и забыли похоронить сразу трёх обманутых женщин и те по общему совпадению переродились в ночниц. Эти твари были залётными, пришедшими невесть откуда и невесть по какой причине.

Вороной конь терпеливо дождался хозяина на въезде в Горлицы и жевал уцелевшую под первым снегом траву. Конь был молодой, длинноногий, послушный и, похоже, побаивался Кирши, ещё не успев привыкнуть к новому хозяину. За старым конём Кирши не уследил — гнедого жеребца сожрал волколак на прошлом задании.

Кирши потрепал лошадь по холке и сунул ногу в стремя.

— Кирши! — позвал Тирг.

— М?

Он не успел повернуться, как тёмная тень сбила его с ног и потащила по снегу. Правую лодыжку пронзила острая боль. Ещё одна ночница! Конь заржал, поднялся на дыбы и дал дёру.

Кирши попытался сгруппироваться, но тварь двигалась так быстро и так крепко держала его за ногу, что он едва успевал закрываться от залеплявшего глаза снега. Эта ночница не стала возиться с морком, и Кирши мог разглядеть её серую горбатую спину с острыми бугорками позвоночника. Когти впились в лодыжку, пробив толстую кожу сапог.

— Твою мать, — выругался Кирши, когда понял, что задумала ночница.

Она волокла Кирши между домов к невысокому деревянному колодцу. Если он срочно что-нибудь не придумает, то вряд ли выберется — не свернёт себе шею при падении, так замёрзнет насмерть в ледяной воде.

Изловчившись, Кирши наугад пнул свободной ногой руку ночницы. Попал. Она зарычала, но не остановилась. Пнул сильнее, и она обернулась, чтобы схватить и вторую ногу. Этого короткого промедления хватило, чтобы развернуться и выхватить нож.

||

Кирши всегда плохо метал ножи. Вот и сейчас лезвие, просвистев, воткнулось под костлявую ключицу, хотя метил он в точно в голову. Впрочем, удар оказался достаточно сильным, чтобы ночница выпустила Кирши.

Он перекатился по снегу, выпуская из ножен катану и одновременно поднимаясь на ноги. Ночница закричала, выпучив на Кирши красные глаза, взметнулась туманом и исчезла. Умеет мерцать? Эта тварь сильнее предыдущих.

Кирши стиснул рукоять меча и сплюнул — на языке остался металлический привкус крови. Похоже, он разбил губу при падении.

— Вылезай! — крикнул Кирши, вглядываясь в темноту и медленно продвигаясь вперёд, в сторону колодца, куда так прытко устремилась тварь. Возможно, если он подойдёт достаточно близко, она нападёт, решив довести начатое до конца.

Снег лежал ровный и безупречно белый, настолько, что полная луна, отражаясь в нём, делала ночь светлее. Над колодцем склонилась под тяжестью ягод рябина, яркие гроздья гнули ветви к воде, словно хотели напиться. Несколько ягод оторвались от ветки и нырнули в чёрную бездну.

Всплеск.

— Кирши? — позвал звонкий мальчишеский голос, и в следующий миг на краю колодца появился Хару.

— Ах ты ж сука! — Кирши ринулся к нему, но Хару закрыл глаза и бросился вниз.

12

Всплеска не последовало.

Кирши чертыхнулся, боком подошёл к краю колодца и заглянул внутрь. В темноте ничего было не разглядеть.

— Останься сегодня ночью со мной? — прозвучало за спиной.

Василиса в одной сорочке стояла на снегу всего в нескольких шагах от Кирши. Он взмахнул мечом, но разрубил лишь чёрный туман.

— Мы всегда будем вместе, потому что клятва вечна. — Голос Атли обжёг ухо. — Ты мой.

Удар. И снова мимо.

Ночница играла с ним. Не пыталась обмануть, как предыдущая, — она хотела его разозлить, заставить в гневе рубить воздух и в конце концов вымотаться, самого себя загнав в угол. Кирши усмехнулся. Ну наконец-то что-то интересненькое.

— Почему ты дал мне умереть?

Снова Хару. На этот раз он сидел на ветке рябины и болтал босыми ногами. С тёмных кудрей капала вода, раскосые глаза смотрели грустно и укоризненно, голова вжалась в худые плечи.

— Потому что ты был засранцем, — бросил Кирши, настороженно вертя головой. Он уже понял, что сейчас на рябине — как и во всех образах до этого — была не ночница, а лишь её тень. Настоящая тварь пряталась где-то во мраке.

— Я думал, мы друзья навек, — протянул Хару, краснея. — Неужели она больше тебе по нраву?

Хару спрыгнул с дерева и обратился в Василису, которая стянула с себя сорочку и бросила на снег. Кирши отвёл глаза. И тут заметил на снегу тёмные, почти чёрные пятна крови.

— Предпочитаю не менять одного мертвеца на другого, — сказал он, медленно отступая к ближайшей избе.

— Не заставляй меня снова приказывать тебе. Я хочу, чтобы ты сделал всё по своей воле. — От голоса Атли по спине пробежал липкий холод. Кирши сглотнул.

— Обычно, — бросил он, не глядя на Атли и подкрадываясь к двери в избу, — ты отлично справляешься сам.

Что ответил Атли, Кирши не услышал — он вышиб дверь ногой и влетел в избу. Раненая ночница, сидевшая посреди пустой комнаты, зашипела и кинулась на него.

Кирши был готов. В последний момент он шагнул в сторону, пропуская её мимо, и, развернувшись, одним ударом отсек уродливую голову.

— Это последняя? — В комнату трусливо заглянул Тирг.

— Надеюсь.

— Конь твой сбежал.

- Я видел.
- Раз мы теперь пешком, чур, ты меня несёшь.
- Я и так тебя всегда ношу.
- Справедливо. — Домовой опасливо понюхал прах ночницы. — Ну и воняет! Жуть! Что теперь?
- Ты затыкаешься, и мы идём искать коня.
- А потом?

Кирши выразительно взглянул на Тирга, тот строил глупую морду.

- Это уже надо было заткнуться?

Кирши не ответил. Он уже думал о том, как ночнице удалось обрести такую силу: не только мерцать, но и навести больше одного морока. Определённо творилось что-то неладное.

- Что-то грядёт, — пробормотал он, покидая избу.

Тирг поджал хвост и промолчал. Он отчего-то впервые решил послушаться Кирши и заткнуться.

14 Домовой, понял Кирши, тоже почувствовал тьму, что витала в воздухе. Тьму, что пронизывала ночь и не сулила ничего хорошего.

Конь нашёлся у соседней деревни, в которой Кирши остановился на ночлег. Деревенька такая маленькая, что в ней не было ни трактира, ни постоянного двора. Так что старосте — седому, но ещё вполне себе крепкому старику — пришлось пустить Ворона на порог собственного дома. Жены у старика не было, зато были сын с невесткой, а ещё — пятеро внуков, что, сгрудившись на печке, глазели на Кирши и всю ночь шушукались, мешая спать.

Вот и сейчас, когда Кирши, заснеженный и чуть не околевающий от холода, ввалился в избу, они сбились в кучу и возбуждённо заверещали.

- Убил чудище?
- Убил! Убил чудище!
- Страшно!
- Тихо ты, только тебе и страшно!
- Глядите! Это там кровь?

Кирши не обратил на их галдёж никакого внимания, сбросил плащ и устало опустил на лавку. Скинул сапоги и осмотрел раненую ногу. Ничего серьёзного — когти ночницы лишь оцарапали кожу.

В горницу вошла Купава — невестка старосты — маленькая и худенькая, как осинка с двумя тонкими пшеничными косами, она несла завернутый в полотенце горшок. Он дымился и пах капустой и грибами.

- Как раз к ужину! — воскликнула она.

Горшок тяжело ухнул об стол, Купава выпрямилась и отёрла полотенцем вспотевшее лицо.

— Батюшка захворал, так что уж почивает. А Видан вот-вот подоспеет. Силки проверить отправился. А ну! — Купава повернулась к детям. — Тикайте отседова!

15

Она махнула на них полотенцем, и те, завизжав, ураганом скрылись в дверях.

— Деду проведайте! — крикнула она им вслед. — Он вам сказок расскажет.

— А дети есть не будут? — спросил Кирши, натягивая сапог.

Купава замаялась и покосилась на двери.

— Они уже поели, — ответила она уклончиво. — Пуцай с дедом повозятся. А мы тут как-нибудь сами.

Кирши хмыкнул, но ничего не сказал. Купава заметила пропитанную кровью штанину, тихо охнула, но помощи не предложила.

Дверь в сени распахнулась, и в горницу вошёл Видан, неприлично огромный и широкоплечий по сравнению со своей маленькой женой. Светлая борода

